

МАГНИТНОЕ *притяжение*

АННА ВАЛЕЕВА

18+

Анна Валеева

Магнитное притяжение

«Автор»

2026

Валеева А. В.

Магнитное притяжение / А. В. Валеева — «Автор», 2026

Лея привыкла к простой жизни, цветочному магазину и миру, где чувства не заключают в договоры. Габриэль Вальмон живёт иначе: деньги, известная фамилия, камеры, сделки и женщина, которую все считают его будущей женой. Их первая встреча должна была закончиться у двери. Но одно неловкое признание, случайное прикосновение и слишком долгий взгляд становятся началом истории, от которой уже невозможно отступить. Чем ближе Лея подпускает Габриэля, тем опаснее становится их притяжение. Ревность, тайны, чужие игры и прошлое проверят их чувства на прочность.— Вы играете с огнём, Лея.— А вы уже горите. «Магнитное притяжение» — роман о страсти, доверии и любви, которая меняет правила, разрушает страхи и заставляет выбирать сердцем.

© Валеева А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О КНИГЕ	6
СОДЕРЖАНИЕ	7
Глава 1. Два мира	8
Глава 2. После встречи	14
Глава 3. Не случайность	19
Глава 4. Чужие правила	24
Глава 5. Граница	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Валеева

Магнитное притяжение

АННА ВАЛЕЕВА
МАГНИТНОЕ
ПРИТЯЖЕНИЕ

— ♦ —

роман
Париж

О КНИГЕ

Лея привыкла к простой жизни, запаху свежих цветов и миру, в котором всё можно назвать своими именами. Но одна обычная доставка приводит её к двери Габриэля Вальмона — мужчины, чья жизнь состоит из денег, камер, договоров и чужих ожиданий.

Их первая встреча длится всего несколько минут. Этого хватает, чтобы между двумя совершенно разными людьми возникло притяжение, которое оба пытаются объяснить случайностью.

Чем ближе Лея подпускает Габриэля, тем яснее становится: за его безупречной жизнью скрывается слишком много чужих правил. Рядом с ним ей придётся столкнуться с ревностью, ложью и опасностью, а ему — впервые решить, чего он хочет сам.

Это история о любви, которая начинается с неловкой фразы у двери и становится сильнее страха. О выборе, доверии и двух людях, которым придётся пройти слишком близко к потере, чтобы понять цену обычного слова «рядом».

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. Два мира
- Глава 2. После встречи
- Глава 3. Не случайность
- Глава 4. Чужие правила
- Глава 5. Граница
- Глава 6. Пока не появилась ты
- Глава 7. За маской
- Глава 8. Ночь без масок
- Глава 9. Чёрная машина
- Глава 10. Дверь
- Глава 11. Цена свободы
- Глава 12. День рождения Кэтрин
- Глава 13. Между жизнью и тишиной
- Глава 14. Проснись
- Глава 15. Магнитное притяжение

Глава 1. Два мира

Будильник зазвонил в 7:10.

Лея, не открывая глаз, нащупала телефон под подушкой, промахнулась, задела стакан воды на тумбочке и только чудом успела поймать его прежде, чем тот перевернулся.

— Нет. Нет-нет-нет... — пробормотала она, щурясь на экран.

7:42.

Несколько секунд она просто смотрела на цифры, будто могла силой ненависти заставить время отмотаться назад.

Потом резко села.

— Чёрт.

Её небольшая парижская квартира мгновенно наполнилась звуками спешки: хлопнула дверца шкафа, на пол упала вешалка, чайник так и остался пустым на кухонной столешнице. Лея одной рукой собирала тёмные волосы, другой застёгивала блузку и одновременно пыталась дозвониться Мари.

Подруга ответила на втором гудке.

— Если ты сейчас скажешь «я уже выхожу», я тебя уволю.

Лея замерла с туфлей в руке.

— Доброе утро и тебе.

— Лея.

По одному её имени было понятно: Мари не шутит. Или делает вид, что не шутит.

— Я почти готова.

— Ты дома?

Лея посмотрела на незаправленную кровать.

— Это философский вопрос.

На том конце повисла тишина.

— У тебя пятнадцать минут.

— Я тебя люблю.

— А я люблю сотрудников, которые приходят вовремя.

— Бессердечная.

— Пятнадцать минут.

Связь оборвалась.

Лея сунула телефон в сумку, схватила куртку и выбежала из квартиры, не заметив, что оставила завтрак нетронутым.

В это же утро, в другой части Парижа, Габриэль Вальмон стоял под горячей водой и не спешил никуда.

В его доме не было ни хлопающих дверей, ни разбросанных туфель, ни соседей, ругающихся через тонкую стену. Только приглушённый шум воды, серое утреннее небо за панорамными окнами и безупречная тишина огромного пространства.

Он провёл ладонью по мокрым волосам, закрыл воду и вышел из душа. На стекле ванной осталось облако пара. Габриэль вытер лицо полотенцем, взглянул на себя в зеркало и на секунду задержался.

Телефон на мраморной полке снова завибрировал.

«Виктория».

Он ответил не сразу.

— Да.

— Ты помнишь про вечер?

Её голос звучал так, будто вопрос был формальностью. Виктория никогда не сомневалась, что всё будет так, как она запланировала.

Габриэль взял часы со столешницы.

— Помню.

— Пресса будет у входа. Не приезжай позже меня.

— Я сам решу, когда приехать.

— Габриэль...

Он застегнул ремешок часов и только потом ответил — спокойно, почти лениво:

— Увидимся вечером.

Он завершил вызов прежде, чем она успела возразить.

Через полчаса на нём уже была белая рубашка и тёмные брюки. На кухне стоял нетронутый кофе. Ассистент прислал расписание на день, водитель ждал внизу, а у Габриэля было странное ощущение, что каждый его день расписан кем-то другим задолго до того, как он успевает его прожить.

Он привык к этому.

И почти перестал замечать.

Иногда Габриэлю казалось, что удобство незаметно превратилось в декорацию. В доме было всё, что можно заказать, купить или поручить другому человеку, и почти ничего, что требовало бы его настоящего присутствия. Даже утро не принадлежало ему целиком: сообщения, звонки, встречи, чужие ожидания начинались раньше, чем он успевал допить кофе. Он давно научился не раздражаться на это. Раздражение тоже отнимало время.

Но в последние месяцы внутри всё чаще возникала сухая, почти бесцветная усталость. Не от работы — работать он умел и любил. От предсказуемости. От того, что любой новый человек сначала видел фамилию Вальмон, потом состояние, связи, возможности и только в самом конце — если вообще доходил до этого — его самого. Поэтому он редко интересовался незнакомцами. В большинстве случаев он заранее знал, чем закончится разговор.

Лея тем временем ворвалась в цветочный магазин, тяжело дыша и придерживая рукой сумку.

— Я здесь!

Мари даже не подняла головы от букета, который собирала у стойки.

— Вижу.

— И я почти не опоздала.

— Двадцать две минуты.

Лея сняла куртку.

— Ты считаешь слишком точно. Это нездорово.

Теперь Мари посмотрела на неё. Несколько секунд сохраняла строгое лицо, а потом всё-таки улыбнулась.

— Иди сюда, катастрофа.

Лея облегчённо выдохнула и обняла подругу через стойку.

— Я знала, что ты меня не уволишь.

— Не льсти себе. Просто сегодня слишком много заказов.

— Вот и вся дружба.

Они засмеялись, и утренний хаос наконец отпустил Лею.

Работа всегда успокаивала её. Цветы не требовали объяснений. Пион не интересовался твоим банковским счётом, роза не спрашивала, почему у тебя нет идеального плана на следующие пять лет. Нужно было только видеть цвет, чувствовать форму и знать, когда остановиться.

К середине дня магазин пах зеленью, свежесрезанными стеблями и кофе, который Мари всё-таки заставила Лею выпить.

Ближе к вечеру Мари поставила перед ней большую круглую коробку нежно-розового цвета.

— Последняя доставка.

Лея не сразу ответила. Она смотрела на композицию: светло-розовые пионы, бордовые розы, белые бутоны и глубокая зелень. Вокруг коробки была завязана широкая бордовая лента.

— Красиво.

— Я знаю.

— Скромность тебе идёт.

— Адрес внутри.

Лея достала карточку.

Прочитала имя.

Потом ещё раз.

— Нет.

Мари сделала вид, что не понимает.

— Что «нет»?

— Ты сама отвезёшь.

— Не отвезу.

— Мари.

— Лея.

— Это Габриэль Вальмон.

— Я умею читать.

Лея посмотрела на неё так, будто подруга предлагала не доставить цветы, а проникнуть в Елисейский дворец.

— Почему я?

— Курьер заболел.

— Закажи другого.

— Поздно.

— Я не одета для встречи с человеком, которого фотографируют даже когда он просто выходит из машины.

Мари наконец рассмеялась.

— Ты отдашь цветы, скажешь «добрый вечер» и уйдёшь. Он не попросит тебя пройти по красной дорожке.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что это доставка, Лея.

Через сорок минут Лея уже стояла перед его домом и понимала, что Мари была права только в одном: это действительно была доставка.

Во всём остальном ситуация ощущалась гораздо хуже.

Высокая дверь, спокойный свет за стеклом, идеальная геометрия фасада. Даже тишина здесь казалась дорогой.

Лея посмотрела на своё отражение в тёмном стекле, быстро приладила волосы и сама на себя рассердилась.

— Ты отдашь цветы и уйдёшь, — тихо сказала она. — Всё.

Она нажала звонок.

Шаги послышались почти сразу.

Дверь открылась.

На фотографиях Габриэль Вальмон выглядел холодным. Почти неприступным. Мужчиной, который смотрит не на людей, а сквозь них.

Вживую всё оказалось хуже.

Потому что вживую он был... живым.

Белая рубашка, верхняя пуговица расстёгнута, рукава закатаны до предплечий. Тёмные волосы чуть растрёпаны, будто он несколько раз провёл по ним ладонью. И взгляд — внимательный, прямой, совершенно не похожий на тот, что был на журнальных снимках.

Лея слишком долго молчала.

Габриэль чуть приподнял бровь.

— Добрый вечер.

Она моргнула.

— Да. То есть... добрый вечер. Доставка цветов.

Его взгляд опустился на коробку.

— Для меня?

— По адресу — для вас.

— Тогда мне повезло.

Он протянул руки, и в момент, когда Лея передавала коробку, их пальцы коснулись.

Всего лишь на секунду.

Прикосновение было настолько коротким, что его можно было списать на случайность. Лея именно так и попыталась сделать. Но кончики пальцев вдруг стали слишком чувствительными, а сердце, ещё минуту назад занятое исключительно желанием не опозориться, ударило где-то высоко под рёбрами. Она машинально сжала ладонь, будто могла спрятать в ней этот нелепый электрический отклик.

Габриэль тоже почувствовал паузу. Не сам контакт — прикосновений в его жизни было достаточно: рукопожатия, объятия перед камерами, дежурные поцелуи в щёку. Его зацепило то, как быстро она отдернула руку и как тут же рассердилась на себя за собственную реакцию. В её лице не было расчёта. Только смущение, которое она безуспешно пыталась спрятать за деловым выражением.

Но её словно ударило коротким разрядом.

Она быстро убрала руку.

Габриэль заметил.

И едва заметно улыбнулся.

Лея вдруг поняла, что продолжает смотреть на него.

Слова вырвались раньше, чем она успела их остановить:

— В жизни вы красивее.

Мир замер.

У Леи внутри всё провалилось.

— Я... — она зажмурилась на долю секунды. — Я имела в виду, что по телевизору вы...

— Выше? — невозмутимо подсказал он.

Она посмотрела на него, не понимая, издевается он или спасает её.

— Возможно.

Габриэль тихо рассмеялся. Не громко, не насмешливо — по-настоящему.

— Первый вариант мне понравился больше.

Жар мгновенно поднялся к её щекам.

— Я, наверное, пойду.

— Подождите.

Она уже сделала шаг назад, но остановилась.

Габриэль держал коробку одной рукой. Вторую положил на край двери и смотрел на неё так, будто действительно хотел запомнить.

— Как вас зовут?

— Лея.

Он чуть медленнее повторил:

— Лея.

Ей почему-то стало трудно отвести взгляд.

Из глубины дома раздался женский голос:

— Габриэль?

Лея автоматически посмотрела ему за плечо.

В гостиной показалась Виктория. Безупречная, спокойная, красивая той холодной красотой, рядом с которой Лея вдруг слишком отчётливо почувствовала свои мокрые от дождя волосы, простое пальто и усталость после рабочего дня.

Виктория остановилась, увидев её.

Сначала посмотрела на цветы.

Потом — на Лею.

Потом — на Габриэля.

— Я уже ухожу, — быстро сказала Лея.

Габриэль снова перевёл взгляд на неё.

— Вы мне не мешаете.

Фраза была простой, но Виктория слышала её тоже.

Это было видно по тому, как едва заметно изменилось её лицо.

Лея сделала ещё один шаг назад.

— До свидания.

— До свидания, Лея.

Он произнёс её имя так спокойно, будто они были знакомы дольше пяти минут.

Она развернулась и пошла к воротам, заставляя себя не ускорять шаг.

Только оказавшись на улице, глубоко вдохнула холодный воздух.

Сердце билось слишком быстро.

— Идиотка, — прошептала она себе. — «В жизни вы красивее»... прекрасно, Лея.

Но, несмотря на смущение, уголки её губ сами собой приподнялись.

Она шла быстрее обычного, чувствуя, как холодный воздух понемногу остужает лицо. Нужно было думать о метро, о том, что Мари наверняка потребует полный отчёт, о завтрашних заказах. Вместо этого в голове снова звучал его смех — негромкий, неожиданно тёплый. Лея злилась на память за то, что та выбирала именно такие детали: закатанные рукава, лёгкую складку между бровей, то, как он повторил её имя.

Уже у перекрёстка она заставила себя остановиться. Это был мужчина у двери. Пять минут разговора. Ничего больше. Лея мысленно произнесла эту формулу несколько раз, как заклинание, и почти поверила. Почти — потому что, переходя улицу, всё-таки поймала себя на желании обернуться и посмотреть, не стоит ли он ещё в дверях.

В доме Виктория подошла ближе.

— Кто это?

Габриэль поставил коробку с цветами на консоль.

— Лея.

— Я слышала имя.

Он посмотрел на неё.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Виктория скрестила руки на груди.

— Потому что ты обычно не спрашиваешь имя у курьеров.

Несколько секунд Габриэль молчал.

Потом перевёл взгляд на закрывшуюся дверь.

— Она не курьер.

Виктория чуть прищурилась.

— А кто?

Он сам не знал, почему ответ пришёл так легко.

— Пока не знаю.

И впервые за долгое время мысль о вечернем мероприятии показалась Габриэлю совершенно неинтересной.

Глава 2. После встречи

Колокольчик над дверью магазина звякнул так резко, что Мари подняла голову.

Лея вошла внутрь, прижимая к груди пустую коробку для документов, которую зачем-то унесла с собой, и остановилась прямо посреди прохода.

— Ну? — спросила Мари.

Лея молчала.

— Лея.

— Не спрашивай.

Мари медленно отложила ножницы.

— Теперь я обязана спросить.

— Я сказала ему, что в жизни он красивее.

Несколько секунд Мари смотрела на неё абсолютно серьёзно.

Потом закрыла рот ладонью.

— Только попробуй засмеяться.

Мари прoderжалась ещё секунду.

И согнулась пополам от смеха.

— Я тебя ненавижу, — заявила Лея, снимая пальто.

— Нет, подожди... — Мари вытерла уголок глаза. — Ты вошла в дом Габриэля Вальмона и первое, что сделала, — оценила его внешность?

— Это не было первое.

— А что было первым?

— Я сказала «добрый вечер».

— Тогда всё нормально. Очень профессионально.

Лея несильно толкнула её плечом.

Мари рассмеялась ещё сильнее.

— Перестань!

— А он что?

Лея невольно вспомнила его улыбку.

«Первый вариант мне понравился больше».

Она отвела глаза и начала слишком тщательно раскладывать ленты по цветам.

— Ничего.

Мари тут же перестала смеяться.

— О-о.

— Что «о-о»?

— Ты покраснела.

— Здесь жарко.

— На улице девять градусов.

— В магазине жарко.

Мари подошла ближе и заглянула ей в лицо.

— Он тебе понравился.

Лея вздохнула.

— Я видела его пять минут.

— Это не ответ.

— Мари.

— Хорошо. Молчу.

Она подняла руки, сдаваясь, и отошла к стойке.

Через десять секунд всё-таки добавила:

— Но если он придёт за вторым букетом, я беру выходной.

Лея бросила в неё свёрнутой лентой.

Они обе снова рассмеялись.

Позже, когда магазин закрылся, Мари натянула пальто и задержалась у двери.

— Ты нормально доберёшься?

— Да.

— И не гугли его полночи.

Лея вскинула брови.

— Я похожа на человека, который будет гуглить мужчину из-за пяти минут разговора?

Мари посмотрела на неё слишком выразительно.

— Пока до завтра.

— Предательница.

— До завтра, Лея.

Дверь закрылась.

Лея осталась одна среди цветов и тишины.

Она действительно не собиралась ничего искать.

Абсолютно.

Через два часа она сидела дома на диване с чашкой чая и смотрела на фотографию Габриэля Вальмона в телефоне.

— Это просто любопытство, — сообщила она пустой комнате.

Комната, разумеется, не возразила. Лея подтянула ноги на диван и пролистала ещё несколько снимков, каждый раз обещая себе, что следующий будет последним. Чем дольше она смотрела, тем сильнее чувствовала странный разрыв между человеком из новостей и мужчиной, который стоял у двери с цветочной коробкой в руках. На фотографиях он почти никогда не улыбался глазами. Рядом с ней — улыбнулся. Мысль была самонадеянной, поэтому Лея немедленно попыталась от неё избавиться.

Она открыла статью, закрыла, снова открыла. Фамилии, сделки, благотворительные вечера, светские хроники. Всё это было настолько далеко от её жизни, что казалось фильмом, который случайно включили не с начала. И всё же в этом фильме теперь существовало короткое место, где была она: мокрые волосы, нелепый комплимент и собственное имя в его голосе.

На экране он стоял рядом с Викторией у входа в отель. Она — в серебристом платье, он — в чёрном костюме. Заголовок под фотографией говорил о «самой обсуждаемой паре Парижа».

Лея задержала взгляд на Виктории.

Вспомнила, как та посмотрела на неё в доме.

И неожиданно почувствовала неприятный укол.

Она тут же заблокировала телефон.

— Тебе какое дело?

Никакого.

Совершенно никакого.

В то же время Габриэль стоял перед десятком камер у входа в частный особняк, где проходил день рождения одного из крупнейших инвесторов города.

Виктория взяла его под руку за секунду до того, как вспышки стали почти непрерывными.

Со стороны они выглядели идеально.

Они слишком долго тренировались выглядеть идеально.

Это умение появилось не за один вечер. Они знали, под каким углом повернуться к камерам, когда Виктории положить ладонь ему на предплечье, когда Габриэлю слегка наклониться, чтобы фотография выглядела интимнее, чем был сам момент. В первые месяцы он относился к этому как к ещё одной части сделки. Позже начал чувствовать почти физическое раздражение от собственной улыбки по команде.

Сегодня раздражение было сильнее обычного. Потому что несколько часов назад Лея смотрела на него совершенно иначе — не как на публичную фигуру, не как на выгодное знакомство, даже не как на мужчину, перед которым нужно произвести впечатление. Она смотрела слишком прямо и слишком искренне. После этого вспышки камер казались особенно пустыми.

— Габриэль! Виктория! Сюда!

— Вы официально вместе?

— Когда свадьба?

— Виктория, правда ли, что ваши семьи готовят совместный проект?

Габриэль сохранял спокойное выражение лица. Виктория улыбалась так, будто вопросы её забавляли.

Один из журналистов крикнул:

— Поцелуй для прессы!

Габриэль даже не повернул головы.

Виктория чуть сильнее сжала его локоть.

Габриэль почувствовал давление её пальцев и на секунду посмотрел на их сцепленные руки. Со стороны жест выглядел нежным. Для него он был напоминанием: сейчас они снова исполняют заранее согласованную роль. Он поднял голову к камерам и сделал ровно то, что от него ждали, но внутри неожиданно возникло раздражение от самой мысли, что где-то в городе Лея может увидеть эти фотографии и принять их за правду.

Мысль была нелогичной. Он не обещал ей ничего, они едва знакомы. И всё же ему впервые захотелось объяснить с человеком, который даже не задавал вопроса.

— Улыбнись, — произнесла она сквозь улыбку.

— Я улыбаюсь.

— Нет. Ты терпишь.

— Разница заметна только тебе.

Они вошли внутрь.

Только за дверями, где вспышки остались позади, Виктория отпустила его руку.

— Когда мы перестанем изображать пару?

Габриэль взял с подноса бокал воды.

— Когда это перестанет быть выгодно нам обоим.

— Очень романтично.

— Мы не договаривались о романтике.

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты сегодня особенно приятный.

— Устал.

— От меня?

— От вопросов, на которые все давно придумали ответы без нас.

Виктория сделала глоток шампанского.

— Или ты думаешь о девушке с цветами?

Его взгляд мгновенно стал жёстче.

— Не начинай, Виктория.

Она улыбнулась, но теперь в улыбке не было лёгкости.

— Значит, я угадала.

— Ты увидела человека у двери. Вот и всё.

— Нет. Я увидела, как ты на неё смотрел.

Габриэль повернулся к ней полностью.

— У нас договор, Виктория. Не больше.

— Я знаю.

— Тогда не переходи границы.

На секунду в её глазах мелькнуло что-то болезненное, но исчезло так быстро, что он мог бы решить, будто ему показалось.

— Не переживай, — сухо сказала она. — Я прекрасно помню наши границы.

Весь вечер Габриэль говорил с людьми, с которыми должен был говорить, отвечал на вопросы, обсуждал сделки и слушал планы, которые не вызывали у него никакого интереса.

И всё это время в памяти неожиданно возвращалась одна сцена.

Дождевые капли на тёмных волосах.

Смущённый взгляд.

«В жизни вы красивее».

Он поймал себя на улыбке и тут же стал серьёзным.

Позже, уже дома, Габриэль снял пиджак, налил виски и прошёл в гостиную.

Дом снова был тихим.

На консоли всё ещё стояла цветочная коробка.

Он остановился возле неё.

Провёл пальцем по бордовой ленте.

Ему редко хотелось знать о людях больше, чем они сами были готовы показать. За годы он привык к тому, что новые знакомства почти всегда имели цену: выгоду, статус, просьбу, доступ.

Лея не попросила ничего.

Наоборот — убежала так быстро, будто опасалась, что он попросит остаться.

Габриэль сделал глоток виски и посмотрел в тёмное окно.

— Лея...

Имя прозвучало непривычно мягко.

Он тихо усмехнулся самому себе.

Потом, уже без улыбки, произнёс почти шёпотом:

— Хочу узнать тебя поближе...

В квартире Леи телефон снова загорелся от новостного уведомления.

«Габриэль Вальмон и Виктория Делакруа — главная пара вечера».

Она посмотрела на экран.

На его руку на талии Виктории.

На их безупречные улыбки.

И неожиданно для себя почувствовала разочарование.

— Глупость, — тихо сказала она.

Она не знала этого мужчину.

Не имела на него никаких прав.

И всё же перед тем, как лечь спать, Лея снова вспомнила его взгляд у двери.

Не фотографию.

Не новости.

Именно взгляд.

И от этого уснуть оказалось намного сложнее.

Лея выключила свет, повернулась на один бок, потом на другой. В темноте легче было признаться себе в том, от чего днём она отмахнулась бы шуткой: ей хотелось, чтобы он снова появился. Не на экране телефона и не в статье. По-настоящему. Хотелось услышать, как он скажет её имя ещё раз, и проверить, действительно ли от этого у неё каждый раз будет сжиматься что-то внутри.

Эта мысль была опасной именно своей простотой. Она ничего о нём не знала, кроме того, что знали миллионы. Но миллионы не видели его в домашней рубашке у собственной двери. И Лея вдруг поймала себя на абсурдном ощущении, будто ей досталась маленькая, никому

не известная версия Габриэля Вальмона. На этом месте она сердито натянула одеяло выше и приказала себе спать.

Глава 3. Не случайность

Три дня Лея убеждала себя, что забыла о Габриэле.

На четвёртый он вошёл в цветочный магазин.

Она стояла спиной к двери, обрезая стебли белых роз, и сначала услышала только колокольчик.

— Добрый день, — раздался знакомый голос.

Ножницы замерли у неё в руке.

Мари, работавшая у другого края стойки, подняла глаза и мгновенно всё поняла.

Лея медленно обернулась.

Габриэль был без костюма — в тёмном пальто и простой чёрной рубашке. Это почему-то делало его ещё опаснее. Меньше похожим на человека с обложки и больше — на мужчину, который действительно мог войти в её обычную жизнь.

Именно это испугало её больше всего. С человеком с обложки было легко: он существовал где-то за стеклом чужой реальности, и на него можно было смотреть без последствий. Этот Габриэль стоял в двух шагах от неё, пах холодным воздухом и дорогим, но не резким парфюмом, и смотрел так внимательно, будто никуда не торопился. Лея вдруг слишком отчётливо ощутила свой старый фартук, выбившуюся прядь волос и маленькое пятно воды на рукаве.

Она хотела вернуть себе прежнее равновесие, поэтому заговорила чуть насмешливее, чем чувствовала. Ирония всегда помогала ей держать дистанцию. Но Габриэль не отступал и не пытался подавить её уверенностью. Он словно принимал правила игры, которые она ставила, — и от этого становилось сложнее.

— Добрый день, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Габриэль подошёл к стойке.

— Надеюсь, сегодня я выгляжу не хуже, чем в прошлый раз.

У Мари дрогнули губы.

Лея бросила на неё предупреждающий взгляд.

— Если вы пришли за комплиментами, у нас это отдельная услуга.

— Дорого?

— Очень.

— Я рискну.

Лея не хотела улыбаться.

Не получилось.

— Вам цветы?

— Возможно.

— Это цветочный магазин. Обычно люди приходят именно за ними.

Он опёрся ладонью о край стойки.

— А если я пришёл не только за цветами?

Лея подняла на него глаза.

Секунда.

Другая.

Ей показалось, что воздух между ними стал плотнее.

Мари кашлянула.

— Я проверю поставку.

— Мари... — предупреждающе произнесла Лея.

— Что? Работа.

Подруга исчезла в подсобке с выражением лица человека, который абсолютно точно собирался слушать за дверью.

Лея снова посмотрела на Габриэля.

— Вы её напугали.

— Мне кажется, она просто оставила нас одних.

— Это хуже.

— Почему?

— Потому что потом мне придётся всё ей рассказывать.

Он чуть улыбнулся.

— Значит, будет что рассказать?

Лея опустила взгляд на розы.

— Вы всегда так уверены в себе?

Вопрос прозвучал чуть резче, чем она планировала.

Габриэль не обиделся.

Наоборот, выражение его лица стало серьёзнее.

— Нет.

Она ожидала шуток.

Ответ выбил её из равновесия.

— Правда?

— Правда.

Он несколько секунд смотрел, как она поправляет листья у букета.

— Просто я привык знать, чего хочу.

— И сейчас знаете?

— Да.

Её пальцы остановились.

Габриэль не отвёл взгляда.

— Я хотел увидеть вас ещё раз.

Фраза прозвучала без улыбки, и именно поэтому Лея поверила ей больше, чем всему флирту до этого. В груди стало тесно. Она могла отшутиться, перевести разговор на цветы, позвать Мари — любой из этих способов вернул бы безопасную дистанцию. Но Лея вдруг устала притворяться, что не понимает, зачем он пришёл.

— И увидели, — сказала она тише.

Габриэль едва заметно кивнул. В его взгляде не было торжества. Скорее облегчение от того, что она не оттолкнула саму честность. Лея заметила это и почувствовала ещё одну опасную вещь: рядом с ним ей нравилось не только быть желанной. Ей нравилось быть замеченной.

Сердце ударило сильнее.

Лея отложила ножницы.

— Зачем?

— Не знаю.

— Очень убедительно.

— Я могу придумать красивый ответ, если вам станет спокойнее.

— Не станет.

— Тогда честно: вы не похожи на людей, которые обычно встречаются мне.

Она чуть нахмурилась.

— Это комплимент?

— Для меня — да.

Лея почувствовала, как защитная ирония, которую она так старательно держала, начинает давать трещину.

— А кто обычно вам встречается?

Габриэль на секунду посмотрел в окно, будто выбирая, насколько откровенным быть.

— Люди, которые заранее знают, что хотят от меня получить.

— А я?

Он снова посмотрел на неё.

— Вы хотели как можно быстрее уйти.

Она рассмеялась.

— Потому что сказала глупость.

— Я уже говорил: мне понравилось.

— Вам легко говорить. Это не вы потом ехали домой и мысленно проигрывали разговор десять раз.

— Откуда вы знаете?

Лея замолчала.

Он произнёс это тихо, без улыбки.

— Может быть, я тоже проигрывал.

Теперь она действительно не нашла ответа.

Мари выглянула из подсобки ровно в тот момент, когда молчание стало слишком заметным.

— Всё в порядке?

— Идеально, — быстро ответила Лея.

— Я вижу.

— Мари.

— Уже ухожу.

Габриэль тихо усмехнулся.

Лея вздохнула.

— Хорошо. Какие цветы вы всё-таки хотите?

— Выберите сами.

— Для кого?

Он не ответил сразу.

— Для человека, который не любит слишком очевидные жесты.

— Мужчина или женщина?

— Женщина.

Лея почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

Она тут же разозлилась на себя.

Конечно, женщина. У него есть Виктория. Или кто угодно ещё. Что она вообще делает?

— Тогда пионы, — деловым тоном сказала она. — Не красные. Слишком прямолинейно.

— Согласен.

Она собрала небольшой букет: бледно-розовые пионы, веточка эвкалипта, несколько белых бутонов.

Габриэль наблюдал за её руками.

Он не сразу понял, что именно его удерживает. Лея работала быстро и без лишних движений: поворачивала стебель, прищипывала лист, отступала на полшага, чтобы увидеть композицию целиком. В эти минуты она забывала следить за выражением лица. Брови чуть сходились, губы иногда беззвучно считали длину стеблей, а когда сочетание нравилось, во взгляде появлялось спокойное удовлетворение.

Для Габриэля это было почти непривычно — видеть человека, полностью занятого делом и не пытающегося одновременно произвести на него впечатление. Он поймал себя на том, что не хочет прерывать её. Просто смотрит. И чем дольше смотрел, тем яснее понимал: пришёл он действительно не за цветами.

— Вы всегда так сосредоточены?

— Когда работаю — да.

— Красиво.

Лея подняла голову.

— Что?

— Смотреть, как вы работаете.

Она на секунду потеряла ритм движения.

— Вы мешаете мне сосредоточиться.

— Простите.

Но по его лицу было видно, что он совсем не раскаивается.

Она перевязала букет лентой и протянула ему.

— Готово.

Он взял цветы.

— Сколько?

Лея назвала сумму.

Габриэль расплатился и направился к двери.

Она уже почти убедила себя, что всё. Обычная покупка.

Но у выхода он остановился.

Вернулся.

И положил букет обратно на стойку перед ней.

Лея медленно посмотрела на цветы, потом на него.

— Вы что делаете?

— Дарю.

— Мне?

— Вы сказали, что они подойдут женщине, которая не любит очевидные жесты.

Она не знала, смеяться или злиться.

— Вы купили цветы у меня, чтобы подарить их мне?

— Получается, да.

— Это ужасно самоуверенно.

— Возможно.

Лея скрестила руки на груди.

— Вы купили цветы, не меня, месье Вальмон.

Улыбка исчезла с его лица.

Не потому что он обиделся. Скорее потому, что услышал в её словах настоящую границу.

Он чуть кивнул.

— Я знаю.

И именно эта спокойная реакция выбила её сильнее любой шутки.

Габриэль сделал шаг к двери.

— Поэтому я оставляю только цветы.

— А остальное?

Он обернулся.

Во взгляде появилась та самая опасная мягкость, от которой ей снова стало жарко.

— Остальное вы решите сами.

Дверь закрылась.

Мари появилась из подсобки через две секунды.

— «Остальное вы решите сами»? — повторила она театральным шёпотом. — Это вообще законно — так разговаривать?

Лея схватила букет и прижала его к груди, чтобы спрятать улыбку.

— Он невозможный.

— А ты сияешь.

— Я не сияю.

— Лея.

Она посмотрела на пионы.

Улыбка исчезла сама собой, когда в памяти всплыла фотография Габриэля с Викторией.

— У него есть женщина.

Мари прислонилась к стойке.

— Ты знаешь это наверняка?

— Весь интернет знает.

— Интернет ещё знает, что кофе вызывает всё подряд и что каждые три месяца наступает конец света.

— Очень убедительно.

— Я не говорю, что надо бросаться ему на шею. Я говорю — спроси, прежде чем решишь за него.

Лея медленно погладила лепесток пиона.

— Я ничего не собираюсь решать.

Но вечером, поставив подаренный букет в вазу у окна, она долго смотрела на него.

А потом заметила маленькую карточку, спрятанную между стеблями.

На ней было всего четыре слова:

«Это не считается чаевыми».

Лея рассмеялась вслух.

И впервые позволила себе признать хотя бы одну вещь.

Она ждала следующей встречи.

Признание не принесло облегчения. Наоборот, после него каждый звон колокольчика над дверью магазина стал звучать чуть громче. Лея злилась на себя, когда невольно поднимала голову, и ещё больше — когда оказывалось, что вошёл обычный покупатель. Мари замечала всё, но на удивление молчала, только иногда слишком понимающим взглядом смотрела в сторону вазы с пионами.

Лея не строила планов. Не представляла свиданий, не примеряла на себя чужую жизнь. Она просто хотела увидеть Габриэля ещё раз и понять, что происходит с ней рядом с ним. Но где-то глубже уже жила мысль, от которой становилось одновременно тепло и тревожно: возможно, эта история начала двигаться раньше, чем она успела решить, нужна ли ей вообще история.

Глава 4. Чужие правила

Фотография легла на стол между ними почти бесшумно.

И всё же для Габриэля этот звук прозвучал громче, чем должен был.

На снимке он стоял у витрины цветочного магазина. Лея была напротив, держала в руках светло-розовые пионы и улыбалась.

Кадр был сделан издалека.

Слишком издалека, чтобы быть случайным.

Габриэль медленно поднял взгляд на Викторию.

— Откуда это?

Она сидела напротив его рабочего стола, безупречно спокойная. Бордовый топ, чёрная кожаная юбка, идеально уложенные волосы. Даже папку с контрактом она держала так, будто позировала для делового журнала.

— Мой человек прислал.

Габриэль не сразу ответил.

Он взял фотографию, посмотрел ещё раз, затем положил её обратно.

— Ты следишь за мной?

Виктория чуть наклонила голову.

— За нашей сделкой.

— Не играй словами.

— Я не играю. — Она раскрыла папку. — Один скандал — и мой отец выходит из сделки.

В его лице что-то изменилось. Не резко. Только челюсть стала жёстче, а пальцы на краю стола сжались.

— Я подписал договор ради компании. Не ради тебя.

Виктория усмехнулась, но в глазах мелькнула злость.

— Тогда держи эту цветочницу подальше.

Габриэль встал.

Движение было спокойным, но Виктория тоже поднялась — уже понимая, что зашла дальше, чем следовало.

Он обошёл стол и остановился напротив неё.

— Следи за словами, Виктория.

Его голос стал тише.

От этого предупреждение прозвучало только опаснее.

— Ты уже её защищаешь? — спросила Виктория, и теперь в её тоне впервые прорезалась настоящая ревность.

— Я предупреждаю тебя.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Когда-то такие паузы между ними казались почти интимными. Теперь в них не осталось ничего, кроме усталости и взаимного раздражения.

Виктория захлопнула папку.

— Ты забываешь, насколько многое стоит на кону.

— Нет. Именно поэтому я до сих пор здесь.

— А она знает?

Он чуть нахмурился.

— Что?

— Что ты играешь в обычного мужчину, пока за твоей спиной лежит контракт, в котором расписано, с кем ты должен появляться на публике и сколько месяцев наши семьи будут изображать счастливый союз?

Габриэль молчал.

Виктория горько улыбнулась.

— Вот именно.

Она взяла сумку.

— Рано или поздно ей придётся узнать, в какой мир она пытается войти.

— Она никуда не пытается войти.

— Тогда почему ты так боишься, что я её оттолкну?

Габриэль ничего не ответил.

Виктория вышла, оставив дверь кабинета открытой.

В коридоре Викторию ждал отец.

Месье Делакура стоял у высокого окна, просматривая сообщения на телефоне, и даже не поднял головы сразу. В его присутствии Виктория всегда невольно выпрямлялась — не из страха, а по старой привычке соответствовать. Он редко спрашивал, чего она хочет. Гораздо чаще говорил, что необходимо семье.

— Ты показала ему фотографию? — спросил он.

— Да.

— И?

Виктория задержала ответ.

— Он её защищает.

Отец наконец посмотрел на дочь. Ни ревности, ни удивления в его лице не было — только холодный расчёт человека, который привык видеть в отношениях последствия для сделки.

— Тогда не делай глупостей. До закрытия проекта вы с Габриэлем должны сохранять единую публичную линию.

— А если он больше не хочет?

— Желание не отменяет подписанных условий.

Виктория усмехнулась без радости.

— Для тебя всё всегда договор.

— Договоры хотя бы не лгут о том, чем являются.

Фраза задела сильнее, чем он, вероятно, собирался. Виктория отвела взгляд в сторону кабинета Габриэля.

— А люди?

Месье Делакура убрал телефон в карман.

— Люди особенно.

Он ушёл первым. Виктория осталась в коридоре ещё на несколько секунд, впервые ясно почувствовав, что отец видит в её связи с Габриэлем прежде всего часть конструкции, которую нельзя позволить разрушить. Для неё же эта конструкция давно перестала быть только деловой.

Он остался один.

Фотография всё ещё лежала на столе.

Лея на ней улыбалась ему.

Габриэль провёл большим пальцем по краю снимка и с раздражением бросил его в ящик.

Его злило не то, что Виктория следила.

Его злило, что в одном она была права.

Он слишком хорошо знал механику собственного мира. Здесь любое чувство быстро превращали в рычаг: фотографию — в аргумент, знакомство — в слух, слабость — в предмет торга. Пока Лея оставалась вне этого круга, её можно было защитить хотя бы незнанием. Но Габриэль уже понимал, насколько наивно звучит эта мысль. Виктория нашла её за несколько дней. Другие могли найти ещё быстрее.

И впервые желание продолжить знакомство столкнулось в нём с настоящим страхом. Не за себя. За то, что рядом с ним Лея неизбежно начнёт платить за правила, которых никогда не

выбирала. Самым разумным было бы отойти. Он прекрасно это понимал. И всё равно, закрывая ящик с фотографией, уже знал: не отойдёт.

Лея не знала, во что может быть втянута.

И он не хотел, чтобы узнала таким способом.

• • •

В тот же день Лея и Мари шли через небольшой парк неподалёку от магазина.

Париж был неожиданно солнечным. После нескольких дождливых дней люди заполнили террасы кафе, на скамейках сидели студенты, а под деревьями играли дети.

Лея держала стакан кофе обеими руками.

Мари шла рядом и уже несколько минут пыталась вытянуть из неё хоть что-нибудь внятное.

— Ты получила цветы.

— Да.

— От Габриэля.

— Он купил их у нас.

— И подарил тебе.

— Да.

— А потом написал записку.

— Да.

— И ты продолжаешь делать лицо, будто обсуждаешь поставку лилий.

Лея не выдержала и улыбнулась.

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Например: «Мари, я думаю о нём каждые двадцать минут и это ужасно».

— Я не думаю о нём каждые двадцать минут.

— Раз в пятнадцать?

Лея толкнула её плечом.

— Отстань.

Мари рассмеялась.

Через несколько минут они сели за свободный столик кафе.

Лея сделала глоток кофе и задумчиво посмотрела на прохожих.

— Мне это не нравится.

— Что именно?

— Я ничего о нём не знаю.

— Так узнай.

— Он Габриэль Вальмон.

— А ты Лея.

— Это должно было прозвучать ободряюще?

— Очень.

Лея покачала головой.

Мари наклонилась ближе.

— Хорошо. Представь, что это не он. Обычный парень зашёл в магазин, флиртовал, подарил цветы и дал понять, что хочет тебя увидеть. Что бы ты сделала?

— Посмотрела бы, что будет дальше.

— Вот.

— Но это он.

— Тогда представь, что у тебя собеседование.

Лея рассмеялась.

— На что?

— На должность женщины, которая не падает в обморок от его фамилии.

— Я уже провалилась.

— Нет. Наоборот. Ты сказала ему в лицо, что он красивее вживую. Такое уверенное начало редко у кого бывает.

Лея прикрыла лицо ладонью.

— Я тебя когда-нибудь уволю из подруг.

— Немного растянулись полномочия директора цветочного магазина, но ладно.

Они смеялись так громко, что несколько людей за соседним столиком обернулись.

И именно поэтому Лея не заметила женщину, остановившуюся у входа в магазин через час.

• • •

Виктория вошла без спешки.

Мари была в подсобке. Лея одна стояла за стойкой и оформляла небольшой заказ.

— Добрый вечер, — сказала она автоматически, поднимая голову.

И сразу узнала её.

Улыбка исчезла.

Виктория сняла тёмные очки.

— Мы уже виделись.

— Да. У Габриэля.

Лея сама заметила, как неосознанно назвала его по имени.

Виктория заметила тоже.

— Именно.

Она медленно оглядела магазин. Деревянные полки, мягкий свет, вёдра с цветами, бумага для упаковки. В её взгляде не было откровенного презрения. Это было хуже: она смотрела так, будто пыталась понять, что именно здесь могло заинтересовать мужчину вроде Габриэля.

— Вам помочь выбрать букет? — спросила Лея, намеренно возвращая разговор в безопасные рамки.

— Нет. Я пришла к вам.

Лея выпрямилась.

— Ко мне?

— Да.

Виктория подошла ближе.

— Вы, кажется, не знаете, кто я.

— Виктория.

— И всё?

Лея почувствовала, как внутри поднимается тревога, но заставила себя не отступать.

— А что ещё я должна знать?

Виктория улыбнулась.

Очень красиво.

Очень холодно.

— Я Виктория. Невеста Габриэля.

На мгновение Лея перестала слышать обычные звуки магазина. Музыка из маленькой колонки куда-то исчезла, шорох бумаги, вода в ведре с цветами, машины за витриной — всё стало далёким. Осталась только эта фраза, произнесённая буднично, почти вежливо. Именно поэтому она ударила сильнее.

Первой реакцией было не унижение и даже не ревность. Злость на себя. За пионы у окна. За улыбку, которую она не смогла спрятать после записки. За то, что позволила нескольким разговорам стать важнее, чем они имели право быть. Лея выпрямила плечи. Если Виктория пришла увидеть растерянную девочку, ей придётся уйти ни с чем.

У Леи словно исчез воздух.

Она не пошевелилась.

Только пальцы сильнее сжали ленту, которую она держала.

— Невеста? — переспросила она тише.

— Да.

Виктория произнесла это без малейшего колебания.

— Я подумала, будет честнее сказать вам самой. Габриэль иногда... увлекается необычными людьми.

Теперь Лея посмотрела ей прямо в глаза.

Боль уже появилась, но вместе с ней — злость.

— Необычными?

— Не принимайте близко к сердцу.

— Я и не собиралась.

Голос Леи прозвучал ровнее, чем она себя чувствовала.

Виктория чуть приподняла бровь.

— Это хорошо.

Из подсобки вышла Мари и мгновенно почувствовала напряжение.

— Всё в порядке?

Лея не отвела глаз от Виктории.

— Да. Мадам уже уходит.

Виктория выдержала её взгляд ещё секунду.

— Хорошего вечера, Лея.

— И вам.

Только когда дверь закрылась, Лея положила ленту на стол.

Руки дрожали.

Мари подошла ближе.

— Что она сказала?

Лея сглотнула.

— Что она его невеста.

— Что?

— Невеста, Мари.

Последнее слово сорвалось.

Лея отвернулась, сделала вид, что поправляет цветы, но глаза уже защипало.

— Вот почему всё было так легко, — тихо сказала она. — Потому что для него это ничего не значит.

— Ты этого не знаешь.

— А что я знаю? Что он приходит сюда. Флиртует. Дарит мне цветы. Пока его невеста ждёт дома?

— Послушай...

— Нет.

Лея резко вдохнула и вытерла угол глаза раньше, чем слеза успела скатиться.

— Я не буду чьим-то развлечением.

В её голосе теперь было больше решимости, чем боли.

— Ни за какие деньги. Ни из-за какой фамилии.

Мари мягко положила ладонь ей на плечо.

— Тогда сначала услышь его.

Лея закрыла глаза.

Перед ней снова возник его взгляд.

«Я хотел увидеть вас ещё раз».

И от этого стало только больнее.

Потому что боль не сочеталась с логикой. Лея могла сколько угодно повторять, что знала его несколько недель, что между ними ничего не было обещано, что взрослые люди имеют право на сложные отношения. Но внутри всё воспринималось проще и жестче: она позволила себе поверить в особенность его внимания, а теперь боялась, что была всего лишь красивой случайностью на фоне уже устроенной жизни.

Мари не торопила её. Просто стояла рядом, пока Лея приводила в порядок и без того идеально ровные стебли. Через несколько минут подруга молча забрала из её рук ножницы. Только тогда Лея заметила, как сильно сжимала пальцы.

Глава 5. Граница

Габриэль понял, что что-то произошло, ещё до того, как Лея заговорила.

Он пришёл в магазин ближе к закрытию. Не с цветами, не с заранее придуманным поводом. Просто потому, что весь день ловил себя на желании увидеть её.

Колокольчик над дверью звякнул.

Лея подняла голову.

И её лицо сразу стало закрытым.

Ни улыбки. Ни привычной иронии.

— Мы закрываемся через пять минут.

Габриэль остановился.

— Я ненадолго.

— Хорошо.

Она продолжила убирать инструменты, будто он был обычным посетителем.

Мари, стоявшая у кассы, встретила с ним взглядом. В её выражении читалось настолько явное «разбейся», что ему не понадобились объяснения.

— Я занесу коробки, — сказала она Лее.

— Мари, не надо.

— Надо.

Подруга ушла в подсобку.

Габриэль подошёл к стойке.

— Что случилось?

— Ничего.

— Лея.

Она резко положила ножницы на стол.

— Не произносите моё имя таким тоном.

Он нахмурился.

— Каким?

— Будто имеете право требовать от меня ответ.

Теперь он понял: дело серьёзнее, чем обычная обида.

— Я ничего не требую.

— Отлично.

Она сняла фартук.

— Тогда доброй ночи.

Лея обошла стойку, но Габриэль сделал шаг в сторону и оказался у неё на пути. Не коснулся. Просто остановился достаточно близко, чтобы она была вынуждена посмотреть на него.

— Кто с вами говорил?

Её глаза вспыхнули.

— Почему вы сразу решили, что кто-то говорил?

— Потому что утром вы отвечали мне на сообщения. Сейчас смотрите так, будто хотите выбросить меня вместе с увядшими розами.

— Может, я наконец узнала достаточно.

— О чём?

Она коротко, безрадостно рассмеялась.

— О вашей невесте.

В его лице появилось раздражение.

Не к ней.

— Виктория была здесь.

Это не был вопрос.

— Да.

Габриэль тихо выругался по-французски и провёл ладонью по волосам.

Лея отступила на шаг.

— Очень красноречиво.

— Она не моя невеста.

— Правда?

— Правда.

— Тогда кто она?

Он замолчал на долю секунды.

Этого хватило.

Лея горько улыбнулась.

— Вот видите.

— Всё сложнее.

— Конечно. У богатых мужчин всегда всё «сложнее».

— Не делайте из меня человека, которого вы придумали.

— А вы не оставляйте пустые места, которые приходится додумывать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.